

Socio-legal doctrine of Keynes: history and modernity

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -216-225

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the consideration of the views on law and its social significance of the outstanding British economist D.M. Keynes. The article analyzes the channels for the formation of the scientist's legal views related to his education, state and scientific activities. It has been established that Keynes's main merit is the definition of the sphere of state regulation of economic relations, and the legal instruments should be different in the event of an economic upsurge or recession. However, in any case, the focus is on ensuring effective employment, which is impossible without active legal support. Among the conclusions of the scientist, a special place is occupied by questions about the role of the state, the state apparatus and civil servants in solving socio-economic problems, interaction between the state and business, especially in a crisis state of the economy. The actualization and applied significance of the scientist's conclusions in modern conditions is noted.

Keywords: John Maynard Keynes; law; state; economy; employment; international treaties

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
| Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sci. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Социально-правовая доктрина Кейнса: история и современность

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-216-225
УДК 330.88; 349.2; 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена рассмотрению взглядов на право и его социальное значение выдающегося британского экономиста Д. М. Кейнса. Анализируются каналы формирования правовых воззрений ученого, связанные с его образованием, государственной и научной деятельностью. Установлено, что главной заслугой Кейнса является определение сферы государственного регулирования экономических отношений, причем правовой инструментарий должен быть различным в ситуации экономического подъема или спада. Однако в любом случае в центр внимания ставится обеспечение эффективной занятости, которое невозможно без активного правового сопровождения. Среди выводов ученого особое место занимают вопросы о роли государства, государственного аппарата и госслужащих в решении социально-экономических проблем, взаимодействия государства и бизнеса, особенно в условиях кризисного состояния экономики. Отмечается актуализация и прикладная значимость выводов ученого в современных условиях.

Ключевые слова: Джон Мейнард Кейнс; право; государство; экономика; занятость; международные договоры

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

Е-mail: amlu0909@yandex.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) относится к числу ученых-универсалов, но более известен как экономист. В XX в. только его именем названо экономическое учение (кейнсианство), притом что это вообще второй случай в истории (после марксизма). Британец был не только выдающимся экономистом, но и известным философом, математиком, успешным бизнесменом и щедрым меценатом. Он прославился как государственный де-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ятель, а также дипломат, участвовавший в мирных переговорах в Версале, завершивших Первую мировую войну. Но если здесь его роль была относительно скромной (скорее, как критика), то на конференции в Бреттон-Вудсе (США, 1944) он был уже одним из основных действующих лиц. Напомним, что на этой конференции были заложены основы финансового переустройства послевоенного мира, в том числе связанные с созданием Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и др. Велика его роль и в осмыслении наиболее глубокого кризиса мировой экономики, т. н. Великой депрессии (1929–1933 гг.), а также в формировании антикризисного правового инструментария. Об этом мы уже упоминали ранее [1, с.913–922; 2, с.21–24].

Кейнс является традиционным персонажем многочисленных исследований по истории экономики, политики, дипломатии, общих работ по истории Великобритании, Европы, многие из которых подготовлены отечественными исследователями [3–6]. На русский язык переведена и лучшая, на наш взгляд, биография Кейнса, принадлежащая перу английского историка российского происхождения Р. Скидельски [7–8]. Как нам представляется, существенно меньшее внимание уделяется его социальной доктрине и ее правовой составляющей, хотя знакомые с ней юристы высказываются в данном контексте весьма благосклонно [9, с. 404–448]. Этому и будет посвящена настоящая статья.

Для начала позволим себе несколько вводных методологических замечаний. Отличительной чертой британца было то, что он никогда не являлся человеком крайностей, был склонен к поиску компромисса, или, скорее, среднего или условного «третьего пути». Будучи выпускником элитарных Итонской школы и Кингс-колледжа Оксфордского университета, он нес в себе все их традиционные черты. Однако в числе его университетских учителей были социально ориентированные экономисты А. Маршалл и А. Пигу, философ-этик Дж.Э. Мур, один из основателей британского неореализма и «лингвистической» ветви аналитической философии. Это привело к тому, что с юности Кейнсу не было чуждо некоторое интеллектуальное высокомерие, но оно микшировалось социальным оптимизмом, состраданием и готовностью к общественному служению.

В частности, его нелюбовь к экономисту-классику Д. Рикардо, которого он уважал как ученого, диктовалась именно вопросами этики. По мнению Джона Мейнарда, именно Д. Рикардо связал развитие капиталистической экономики с неизбежностью имущественного расслоения, богатством предпринимателей и бедностью рабочих, зависимостью уровня жизни большинства населения от случайной игры рыночных сил. Кейнса такой рыночный фатализм явно не устраивал именно в этическом аспекте, он не вязался с его представлением о добре и зле.

Стоит обратить внимание еще на один нюанс. Начало XX в., когда Кейнс начал карьеру на госслужбе, знаменовало важный интеллектуальный пе-

релом: выпускники британских университетов стали все чаще выбирать карьеру именно государственных служащих и экспертов (а не только политическую, богемную или академическую среду), когда идея служения обществу и государству завоевывала все больше лучших умов Британской империи. Этому способствовало введение в 1870 г. специального экзамена для занятия должностей по госслужбе, что резко увеличило интеллектуальный уровень государственного аппарата.

Таким образом, «кейнсианская революция» в экономической теории стала только частью продолжающейся «революции в государственном управлении», как охарактеризовал Р. Скидельски, приток ученых в правительство. Именно эта революция положила начало слиянию политической и интеллектуальной власти. Соответственно, на правительство стали больше смотреть как на орудие решения конкретных экономических проблем и меньше полагаться на рынок или частную инициативу. По его мнению, «с этой точки зрения кейнсианская революция в экономике – ключевое событие в процессе постепенного наделения университетов управленческими функциями, как и включение проблем государственного управления в круг университетских интересов» [7, с. 472]. Кейнс считал что, государственная служба была долгом и привилегией, благородным призванием эрудированных экспертов и поприщем их талантов, а корпоративный дух службы не требовал получения прибыли. Госслужащих наш герой называл «здравомыслящей элитой», призванной решать самые сложные вопросы, стоящие перед правительством и государством [10, с. 82, 83].

Постоянные сетования современных мейнстримовских экономистов-неоклассиков о том, что главное для экономики – это пресловутое увеличение «экономического пирога», экономический рост любой ценой, якобы автоматически улучшающий положение всех, его явно не устраивали. «Любовь к деньгам», по мнению ученого, не делает человека лучше, а любая экономика хороша только в той степени, в которой она делает человека более нравственным. В данном случае микст воззрений Маршалла и Мура дали весьма причудливый результат. В частности, Кейнс прогнозировал, что по мере роста производительности труда продолжительность рабочего дня будет сокращаться. В свою очередь, это создаст условия, в которых жизнь людей станет «разумной, приятной и достойной». В этом и заключается ответ Кейнса на вопрос, зачем нужна экономическая наука. Однажды в кругу друзей он провозгласил тост за экономистов, которые «делают цивилизацию возможной». Итак, экономика работает на цивилизацию, это средство для дальнейшего развития цивилизации, необходимое, но недостаточное условие существования цивилизации.

Отношение Кейнса к законодательству и юридической науке было амбивалентным. Он себя никогда не считал знатоком в данной сфере, причем к юристам обращался только в случае необходимости. Достаточно сложная система прецедентов как основных источников права в государствах

англо-саксонской правовой семьи его особо не интересовала. Кроме того, он понимал специфичность и сложность правовой сферы и в шутку отмечал, что юристы говорят на ирокезском языке. В Итоне и Кембридже он получил соответствующий учебным программам минимум, и не более.

Тем не менее при подготовке к сдаче экзаменов для поступления на государственную службу в 1906 г. Кейнс свои знания в сфере права существенно нарастил, т. к. соответствующие вопросы составляли основной блок. На экзаменах он показал 2-й результат из 104 претендентов, причем по праву получил высокий балл, а наихудшие оценки, как ни странно, пришлось на математику и экономику. Всю чиновничью карьеру он участвовал в подготовке законопроектов и проектов подзаконных нормативных правовых актов по линии британского правительства и казначейства или даже готовил их единолично. Приложил он руку к подготовке ряда международных договоров – от Версальского мирного (неудачно) до опосредующих Бреттон-Вудскую систему (более удачно). Таким образом, в прецедентах он разбирался слабо, но в системе нормативных правовых актов – на вполне достойном уровне. Его суждения о законах достаточно редки, но довольно компетентны. В этой связи в литературе отмечается, что в экономических исследованиях Кейнса прослеживается и взаимодействие с юриспруденцией [11, с.16, 37].

Кроме того, по долгу службы он постоянно контактировал с работниками правовых служб, с ними его связывали рабочие и человеческие отношения. В тесный круг его личного, интеллектуального и делового общения входили немало высококлассных юристов. В Кембридже это были П. Зингер (1872–1930), А. Коул (1882–1968), А. Хобхауз (1886–1965), в Казначействе – К. Вудс (1881–1943, руководитель казначейства в 1940–1943 гг.) и др. Во время переговоров в США среди чиновников и экспертов плодотворные контакты у него сложились именно с юристами. Это, в частности, помощник американского госсекретаря Д. Ачесон (1905–1973), юрист госдепартамента О. Кокс (1905–1966), профессор административного права Гарварда Ф. Франкфуртер (1882–1965), будущий член Верховного Суда США, и действующий на тот момент член этого же суда Л. Брандейс (1856–1941). В целом можно констатировать, что Кейнс был весьма компетентен в сфере права.

Свое социальное и правовое кредо наш герой выразил не столько в своем основном труде «Общей теории занятости, процента и денег» [12] (1936 г.), сколько в ряде отдельных публикаций, особенно в очерке-памфлете «Конец *laissez-faire*» (1926 г.) [13, с. 260–279; 14, с. 60–67]. Эта работа не относится к высшим достижениям его таланта, но поспешность в построении аргументации (в чем сходятся многие специалисты) покрывается превосходным стилем. При этом его отвержение принципа «*laissez-faire*», а равно предположение о том, что граница между частной и публичной сферами изменчива (особую роль в ее проведении играют законы и договоры),

весьма убедительны; в любом случае он ярко показал, что современный индивидуализм вполне совместим с деятельностью государства. В этой части главную заповедь Дж. М. Кейнса можно сформулировать так: «Важно, чтобы Правительство не выполняло, лучше или хуже, тех функций, которые и так выполняют индивиды, оно должно делать то, что сейчас не делается вообще» [13, с. 276]. В «Богатстве народов» А. Смит говорил почти то же самое и почти теми же словами. Однако Кейнс выделяет «полуавтономные организации в рамках государства» (университеты, Английский банк, городское хозяйство, общегосударственные инфраструктурные проекты и др.) как промежуточные институты, стремящиеся к обобществлению, осуществляющие взаимодействие публичной и частной сфер под руководством компетентных, научно подготовленных и высокоморальных руководителей. Это породило нередко встречающиеся обвинения Кейнса в антирыночных и антидемократических убеждениях и даже в наивной вере в существование неких непогрешимых госслужащих.

Между тем он только искал путь вывода капитализма из кризисного состояния, вызванного утратой гибкости, в связи с чем необходимо было «изобрести новую мудрость для нового века». При этом ряд экономистов кейнсианские идеи обоснованно связывает с изменением идеологии государственного управления, когда именно государство и право становятся одними из главных инструментов достижения «лучшей жизни» для людей [15; 16, с. 3–26]. Как нам представляется, акцент в интересующем нас контексте надо усилить: именно в изменении отношения к роли государства и права, собственно, и заключается кейнсианская революция. Ее суть в том, что нормальное и бескризисное развитие экономики невозможно без ограниченного правом государственного регулирования. Последнее, в свою очередь, должно осуществляться при верховенстве законодательства, сформированного демократически избранным парламентом. В качестве управленцев должны выступать научно подготовленные и компетентные в своих сферах госслужащие, избранные или назначенные законно избранными органами или должностными лицами. В целом это идея представительной демократии при правовом государстве и с достаточно сильным гражданским обществом. При этом государство не признается ни всемогущим, ни всеведущим.

Общая направленность размышлений Кейнса в этой части достаточно понятна и реалистична: жесткая государственная диктатура, как и слепая игра рыночных сил, равно ведут экономику в тупик. Необходим третий путь, ведущий не к постоянному росту потребительского «пирога» любой ценой или к жесткому навязыванию «сверху» даже самых справедливых воззрений, что в любом случае также неприемлемо. В этой связи можно прямо выйти на проблему институтов, взаимодействие которых обеспечивает эффективное функционирование экономики, среди которых ведущее место занимают право и мораль. Напомним, что в это время Кейнс нахо-

дился под некоторым влиянием американского экономиста Дж. Коммонса (1862–1945), одного из авторов классической экономической институциональной теории (признающей преобладающее влияние права на экономику и даже провозгласившего Верховный Суд США «главным экономистом»). В 1927 г. британец написал американскому коллеге: «...Нет, кажется, больше ни одного экономиста, с чьим образом мысли я в общем находился бы в таком согласии» [цит. по: 7, с. 640]. Таким образом, получалось, что и безличная государственная власть, и своекорыстные бизнесмены должны ограничиваться в своих действиях системой институтов, но при верховенстве и в рамках законов, принятых демократически избранным парламентом.

Главным делом для государства и права, как и для морали, в этой связи становилось сохранение и развитие цивилизации, которая «...являет собой тонкую и хрупкую корку, созданную личностью и волей немногих, и поддерживаемая только правилами и соглашениями, умело объясняемыми и хитро сохраняемыми» [цит. по: 7, с. 194]. Ключевые слова при этом – правила и соглашения. Кроме того, усиление роли государства виделось ему не через прямое вмешательство, а через опосредованное воздействие. Это продуманная кредитно-денежная и налоговая политики, финансовый контроль, сбор и распространение информации, касающейся экономики, стимулирование инвестиций (не подрывая частный бизнес), разумная демографическая политика и др.

Он отрицал т. н. «закон Сея», названный так в честь французского экономиста Ж.-Б. Сея (1767–1832), согласно которому предложение само порождает спрос и рассогласования между ними просто не может быть в принципе. По мнению Кейнса, напротив, расходы создают доходы, в связи с чем главная задача государственного регулирования экономики вполне конкретная – поддерживать платежеспособный спрос посредством максимально возможного обеспечения занятости, ибо только она в конечном итоге обеспечивает «эффективный спрос».

Принципиальную важность представляет исключение англичанином инвестиций, унаследованных от предыдущих периодов, из теории, объясняющей, чем детерминируется выпуск продукции, доступной для потребления. Кейнс сосредоточился только на текущих инвестициях и других текущих расходах как факторах, определяющих текущий объем производства. К таким расходам он отнес потребление, государственные расходы, текущую величину покупок, совершенных из-за рубежа. Это позволило ему связать текущий уровень производства и занятости не с производственными возможностями и уже существующим уровнем дохода, а с текущими производственными решениями, на которые можно влиять посредством политико-правовых решений (через кругооборот: государство – домохозяйства – финансовый сектор – бизнес). Инструментами таких решений выступали налоги, заработная плата, сбережения, инвестиции, товары и услуги, сделки. При этом сбережения и инвестиции представляли собой два

взаимосвязанных, но принципиально различных феномена, причем первые не перетекают самостоятельно во вторые.

Так, согласно выведенному им «парадоксу сбережений (или бережливости)», последние могут вести к сокращению доходов и подлинной бережливости, что особенно губительно в период экономических спадов. Для него сбережения только тогда становятся эффективными, когда они, в свою очередь, выступают в роли инвестиций, что не происходит автоматически. Более того, сбережения рассматривались едва ли не как утечка в кругообороте, а увеличение «склонности к сбережениям» при прочих равных условиях ведет к сокращению производства и доходов. Стимулы к сбережению и стимулы к потреблению им различались и рассматривались с учетом социальной психологии [12, с. 25–32, 107, 198–199]. Вообще, феномену *animal spirits* (введенный им многозначный термин, чаще всего трактуемый как иррациональное поведение) уделено весьма важное внимание [12, с. 153–155].

Еще одной задачей государства становятся капиталовложения на длительный срок, которые не дают немедленной прибыли, но создают условия для развития и ее получения в перспективе. Очевидно, что речь идет о фундаментальной науке, образовании, инфраструктурных проектах (связь, пути сообщения и др.). Обратим внимание, что государство должно заниматься этим только в тех случаях, когда это невозможно осуществить посредством частной инициативы.

Писал англичанин и о «достаточно широкой социализации инвестиций», которая представляла собой не конфискационные мероприятия, а ограниченное перераспределение через сугубо правовой инструментарий: организация общественных работ, комплекс мер с целью преодоления безработицы, налогообложение сверхдоходов и высокий налог на наследство, гибкая кредитная политика, вложение государственных средств в развитие культуры и образования и др. В целом экономика для него представлялась не в виде «жидкости», свободно текущей в заданном направлении, а скорее, в виде «вязкой субстанции». Отсюда и необходимость антициклического централизованного сдерживающего влияния на экономику на этапе подъема и стимулирующее воздействие на этапе спада. Это требует введение антициклического бюджетного дефицита как средства борьбы с безработицей.

Другим важнейшим для нас положением кейнсианской теории стало повышенное внимание к краткосрочным временным интервалам, отказ от рассмотрения длительных периодов и перенос всего веса приспособлений к меняющимся экономическим условиям на объем выпуска или дохода, а не на цены. Особое значение все это имело для трудового права, о чем мы уже упоминали ранее [17, с. 250–271]. Примечательно, что ученого больше интересовал именно период экономического спада, что придавало его теории некоторый прикладной и даже антикризисный характер.

Совсем не случайно интерес к кейнсианству сильно возрос с 2008 г., когда наступили события с говорящим и похожим названием – Великая рецес-

сия, что вызвало к жизни массу аллюзий [18], а Р. Скидельски вообще заговорил о «возвращении Мастера» [19]. На первые роли опять стали выходить экономисты, в той или иной мере использующие кейнсианские подходы, в т. ч. Нобелевские лауреаты по экономике Д. Акерлоф (р. 1940), П. Кругман (р. 1953), Дж. Стиглиц (р. 1943) и др. Дело дошло до того, что многие из экономистов-неоклассиков, оппоненты кейнсианства, заявляли, что в условиях кризиса кейнсианцем становится каждый.

Отметим, что именно критический анализ социальных воззрений предшественников (в том числе А. Смита, И. Бентама, Дж. С. Милля и др.) позволил выйти Кейнсу на новую социальную доктрину, т. к. «изучение истории с необходимостью предшествует освобождению мысли» [13, с. 264]. Таким образом, труды британского исследователя стали своеобразным фокусом, отразившим предшествующие теоретические наработки и определившим во многом направление дальнейших научных исследований и практических социальных преобразований. Есть доля справедливости в том, что Кейнса упрекали в смещении экономической науки и политики. Однако это тот недостаток, который под другим углом зрения может превратиться в достоинство.

Стержень социального и правового кредо Кейнса достаточно хорошо показал голландский экономист М. Блауг. Он резонно отметил, что можно оспорить каждый отдельный элемент его аргументации и даже подвергнуть сомнению логическую состоятельность всей кейнсианской системы, «но невозможно сохранить веру в способность рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость. Некоторые полагают, что Кейнс не справился с теоретическим доказательством, но даже они согласны, что его идеи подтвердились на практике. В любом случае кейнсианская революция означает подлинный конец доктрины *laissez-faire*» [20, с. 607]. Добавим от себя, что для Кейнса экономика представляет собой совокупность общественных отношений между людьми и их объединениями в сфере производства, обмена, потребления и распределения материальных благ. Равно также трактуют юристы предмет правового регулирования экономических общественных отношений. Согласитесь, благотворное совпадение.

В настоящее время любое экономическое учение не может обойтись без учета этого. Помимо кейнсианства, посткейнсианства, некейнсианства существуют разнообразные «антикейнсианства», но никакого условного «внекейнсианства» уже нет. Свободная и ничем не ограниченная игра рыночных сил, экономическое развитие «как побочный продукт деятельности казино», допустимость резкого увеличения количества безработных без соответствующей социальной поддержки – все это уже миражи прошлого. Не случайно британский ученый К. Крауч рецептуру современного экономического мейнстрима, основанную на неолиберальных подходах, достаточно иронично назвал «приватизированным кейнсианством» [21, с. 152–189]. Итак, приватизированным, но все-таки кейнсианством.

Ссылки

1. Лушников А. М. «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта и развитие учения о трудовых правах человека // LexRussica. 2004. № 4. С. 913–922.
2. Лушников А. М., Лушникова М. В. Правовые проблемы занятости в условиях внешнеэкономических санкций: уроки кейнсианства // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 21–24.
3. Афанасьев С. В. Экономическое учение Дж. М. Кейнса. М.: Экономика, 2001. 128 с.
4. Гродский В. С. Развитие идеи государственного регулирования дефектов рынка Дж. М. Кейнса. М.: РИОР: ИНФПА-М, 2013. 114 с.
5. Остальский А. Спаситель капитализма. Джон Мейнард Кейнс и его крест. СПб.: Пальмира, 2017. 384 с.
6. Историческая судьба учения Дж. М. Кейнса / под. ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: КНОРУС, 2019. 266 с.
7. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа полит. исследований, 2005. Кн. 1. 779 с.
8. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа полит. исследований, 2005. Кн. 2. 802 с.
9. Королев С. В. Краткая история экономических учений в фокусе теории права. М.: Юстицинформ, 2017. 464 с.
10. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск: Социум; Мысль, 2019. 522 с.
11. Шестаков В. П. Джон Мейнард Кейнс и судьба европейского интеллектуализма. СПб.: Алтейя, 2015. 172 с.
12. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
13. Кейнс Дж. М. Конец Laissez-faire // Истоки. М.: Высшая школа экономики, 1998. Вып. 3. С. 260–279.
14. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67 (1928, по изд. 1930).
15. Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2015. 304 с.
16. Розанов В. Т. Кейнсианская экономическая теория и политика: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПб университета. Экономика. Вып. 2. 2016. С. 3–26.
17. Лушников А. М. Невыученные уроки: МОТ, теория Дж. М. Кейнса и «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта // Лушников А. М. Наука трудового права России. Историко-правовой очерк в лицах и событиях. М.: Проспект, 2003. 304 с.
18. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 696 с.
19. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение Мастера. М.: Альпина, 2011. 253 с.
20. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
21. Крауч К. Странная не-смерть либерализма. М.: Дело, 2012. 272 с.